

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 104 (4070)

Суббота, 22 августа 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

ПИСАТЕЛИ — люди ответственной мысли. Что это значит? Прежде всего не забудем, что литература гражданственна по самой своей природе. Творить во имя воспитания нового человека — вот ее миссия. Но, кроме этого общего соображения, можно подчеркнуть и еще одну сторону вопроса: каждого писателя особенно обязывает к активной гражданской мысли и деятельности та область жизни, с которой он более всего связан — своими творческими интересами, которую он лучше знает, в которой может и обязан выступить не только как художник, постигающий все тонкости этого «кукса» действительности, но и как публицист — участник событий.

Понятие «родина» и всеобъемлюще, и конкретно. В каждом уголке ее сейчас, в семилетку, создается нечто такое, что должно быть осмыслено во всей масштабности, во всех связях с гигабитской работой партии и народа. Это осмысление у писателя должно основываться на скрупулезном знании жизни.

Наша ответственность

Мухтар АУЗОВ

Мы часто говорим — писатель и семилетка. Как конкретнее представить себе эту проблему? Для меня, например, семилетка — это прежде всего будущее областей, где живут люди, которых я лучше всего знаю. Я знаю пустыни, полупустыни, редко населенные горные пространства, бывшие скучные копейки с огромными безднами далами. Я знаю семьи, для которых запасная мешок пшеницы на зиму был когда-то пределом мечтаний. Те земли называются «Проклятой степью» (Бетпак-Дала), или Голодной степью, или Черными скалами (Кара-Кум). Сейчас положение там другое. Лик земли во многом преобразился. Степи, хотя еще и не полностью, покореены. За годы семилетки они станут еще щедрее, еще добрее к человеку.

Дневник ПИСАТЕЛЯ

Можно. Начать хотя бы с их быта. Не имея постоянного жилья, они вынуждены обитать в очень неудобных, уютных переносных жилищах, порою даже в шалашах, покрытых одним рядом войлока. Многие семьи чабанов находятся в таких условиях круглый год. Здесь жизнь идет своим чередом. Люди женаты, рождаются дети, болуют старики. Связь отдельных копейки с постоянными культурными пунктами, клубами, больницами, библиотеками иногда вовсе отсутствует. Периодическую печать, книги животноводы получают с опозданием.

Та часть молодежи из этих семей, которой удается получить образование в городах, зачастую не возвращается обратно, боясь бытовых трудностей. Получается диспропорция: при значительном росте поголовья скота все больше

сложности возникает с кадрами чабанов — их ряды пополняются медленно. Сложно и с обучением детей животноводов. Для них устраиваются общежития в районных центрах. Это далеко не школы-интернаты. Начальные школы плохо снабжены книгами, пособиями, учебным инвентарем. В высшую школу молодежь отсюда поступает редко. Крайне необходимо обратить пристальное внимание на эту проблему. Я думаю, что школы-интернаты республик должны гостеприимнее принимать детей из семей, находящихся в районах отгонного животноводства. А потому — побольше интереса в Алматы, Чимкенте, Караганде, Семипалатинске!

Должны быть коренным образом улучшены условия жизни и труда старших животноводов. Тогда у их детей укрепится желание продолжать важную профессию отцов.

Все это относится, я думаю, и только к Казахстану, но и к районам развитого животноводства Средней Азии.

Писатель — общественный деятель... Значит, применительно к тем же республикам его касается все и с точки зрения моральной, и с точки зрения бытового уклада и семейных отношений. Ни для кого не секрет, что здесь у нас не все в порядке. Стоит лишь перелистать комплексы газет районов, областей, республик. На их страницах приводятся возмутительные факты пережитков старого, безобразного отношения к женщине: обычая сватовства без согласия девушки, двоеженство, калым, обряды прошлого и т. д. Иные из этих явлений наблюдаются и на территории РСФСР. Известно, что большое количество казахского населения живет в Западной Сибири (Алтайский край, Омская, Новосибирская области). Среди этого населения все еще соблюдаются вредные обычаи и обряды. Не встречаясь должного отпора деятельности мullah и акасаков хранителей и отрицателей традиций прошлого. И это вблизи от Сибирского отделения Академии наук или старую культурную столицу Сибири — Омск!

В семилетку мы должны здесь многое изменить. Среди сибирских казахов крайне необходимо распространить литературу, прессу на их родном языке. О всех этих фактах я пишу не как любитель «темных пятен». Любая непредвзятый человек не может не увидеть разительных изменений, когда бывшие пустыни превращаются в житные страны. Что же говорить о писателе, советском писателе, о его сердце, переполненном чувством гордости от сознания, что подземные озера Бетпак-Дала своими водами вскоре оросят огромный край, что богатства недр необитаемых гор и полупустынь превратят этот край в золотое дно, что Иртыш понесет свои воды в карагандинские степи! Строительству коммунизма возрождает колоссальные пространства земли. Эта тема вдохновляет Писателя, неоднократно подчеркивал Никита Сергеевич Хрущев, — это помощники партии. А помогают — значит, вынуждены писать как о большом, так и о малом, как о новом, так и о старом — о неодоленных еще пережитках минувших дней.

Недремлющее вдохновенье — вот что должна рождать у нас, писателей, тесная связь с жизнью народа.

ВСЕГДА С ПАРТИЕЙ

К выходу сборника «О литературе и искусстве»

СОВЕТСКИЙ народ, руководимый Коммунистической партией, ведет великое по своему значению, широчайшее по своему размаху наступление. Мы строим справедливейшее общество на земле, в котором полнее раскрываются все лучшие нравственные черты свободного человека, осуществляем программу нового мощного подъема экономики, культуры, материального благосостояния народа. В этом наступлении важнейшую роль отводится литераторам. Никита Сергеевич Хрущев, выступая на Третьем съезде писателей, сравнил их деятельность с дальнбойной артиллерией, которая должна прокладывает путь пехоте. «Писатели, — говорил он, — это своего рода артиллеристы. Они расчищают путь для нашего движения вперед, помогают нашей партии в коммунистическом воспитании трудящихся». Литература и искусство активно содействуют формированию человека коммунистического общества.

Источником вдохновения для прозаиков, поэтов, драматургов являются немеркнущие идеи марксизма-ленинизма. Опираясь на эти идеи, Коммунистическая партия Советского Союза, ее Центральный Комитет на всех этапах социалистического строительства четко и ясно определяли задачи литературы и искусства, пристально следили за их развитием и ростом. Особенно большую заботу о литературе партия проявляет в последние годы. Об этом ярко говорят партийные документы, вошедшие в сборник «О литературе и искусстве», выпущенный издательством «Советская Россия».

Почему партия так много уделяет внимания литературе и искусству? На этот вопрос дается исчерпывающий ответ в известном партийном документе «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа». «Потому, — говорил Н. С. Хрущев, — что литература и искусство принадлежат исключительно нашей партии, в деле коммунистического воспитания трудящихся. Писатели, художники, скульпторы, композиторы, работники кино и театрального искусства, вся наша интеллигенция своим творчеством активно участвуют в созидательной деятельности советского общества, верно служат своему народу... Нашему народу нужны произведения литературы, живописи, музыки, отражающие пафос труда, понятные народу».

Здесь одновременно дается высокая оценка благородному труду инженеров, рабочих, служащих и определяется главная линия советской литературы. Партия требует, чтобы литература была всегда неразрывно связана с жизнью народа, правдиво отображала богатство и многообразие нашей социалистической действительности, ярко и убедительно показывала великую преобразовательную деятельность советских людей, их высокие моральные качества.

Партия неустойно призывает литераторов активно вторгаться в жизнь, на основе творческого овладения марксизмом-ленинизмом глубоко изучать действительность, во всей сложности и полноте видеть подлинную правду жизни.

Документы сборника показывают, как партия чутко и вместе с тем требовательно относится к деятелям литературы и искусства. Партия учит писателей никогда не довольствоваться достигнутым, богаче, полнокровнее, глубже отражать жизнь в художественных произведениях. Партия решительно и непримиримо выступает против одностороннего, недобросовестного, несправедливого освещения нашей действительности. «Мы против тех, — говорится в известном документе «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа», — кто выискивает в жизни только отрицательные факты и злорадствует по этому поводу, пытается охватить, очернить наши советские порядки. Мы также и против тех, кто создает суровые, поспешные картины, оскорбляющие чувства нашего народа, который не приемлет и не терпит никакой фальши».

Партия глубоко волнует судьбы литературы и искусства. Она дала решительный отпор ревизионизму, всем тем, кто пытался атаковать ленинские принципы партийности литературы. Партия ратует за консолидацию, сплочение всех сил литературы и искусства на принципиальной идейной основе, за добросовестную, глубокую, принципиальную литературную критику. Это требование еще раз прозвучало в задушевном разговоре Никиты Сергеевича Хрущева с писателями на их Третьем съезде. Эта речь, а также партийный документ «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа», разделены в отчетных докладах ЦК КПСС XX и XXI съездам партии составляют основную часть сборника. В сборник вошли также приветствия ЦК КПСС Второму и Третьему съездам писателей, съездам советских архитекторов, художников, композиторов и другие документы.

Призывы партии вдохновляют советских литераторов. Руководство партии и государства художественным творчеством обеспечивает выдающиеся успехи литературы и искусства, расцвет социалистической культуры всех народов СССР. Сборник «О литературе и искусстве» еще и еще раз напоминает нашим писателям, какая высокая миссия возложена на них теперь, когда советский народ широким фронтом ведет строительство коммунизма.

В. ПАЛЕНОВ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

НОЧЬ В ПОЛЕВОМ СТАНЕ

СОСЕНИ и до позднего осеннего лета Степан Хренов трудится в ПТС. Он исследует сердце моторов и, определяя недуги машин, ставит безошибочные диагнозы. Но как только в полях разливается неповторимый запах созревшего хлеба, механик Хренов сдает дела помощнику, а сам становится к штурвалу комбайна.

Я встретил его на поле артели с гордым именем «Страна Советов» в шумную, страдную ночь. Хлеб, скошенный жатками, вторые сутки лежал на стерне, ветер сушил его. У обочины поля, на котором работает Степан Хренов, чернеет что-то неподвижное. — Волокущий — объясняет председатель колхоза Николай Буханко. — У нас такой порядок: подобран хлеб, сгружено зерно в машины — изволь тут же убрать за собой солому. Слышите — шумят!

Справа вспыхивают огненные глаза тракторов. Еще вчера лежал на том участке хлеб. А сегодня уже перевернута жесткая щетина стерни: пахут зыбь. Еще не убранный хлеб, еще бригады и звеньевые, вонюшки, взвешивают зерно, подсаживают, подводят первые итоги.

А борьба за завтрашний урожай уже началась. Благодарная земля щедро оплачивает заботы о ней: вот уже третий год колхоз «Страна Советов» получает устойчивые урожаи — 25—26 центнеров пшеницы с гектара.

Сколько труда вложено в эту землю, — говорит Буханко. — Вот и плиты самодельные... Об этих плитах я слышал еще раньше. С осени в колхозе лежат десятки тысяч листов прямоточных плит из коровьего навоза. Потом тракторы ставят их в поле и плиты ставят ребром. Маленькими заборчиками стоят они, задерживая, накапливая снег. Как только весной пригреет солнце, плиты оттаивают и несут в почву свои ценные соки. Право же, стоит внимательно присмотреться к тому, что делают в колхозе «Страна Советов»...

Идем к полевому стану второй бригады. Два просторных уютных вагончика. В одном — общежитие, в другом — столовая. Вернувшись из очереди, сменявшиеся шоферы, трактористы, прицепщики. Мало незатейливо, но еда обильная и вкусная. Мяс — сколько душе угодно, рассыпчатая каша, компот, молоко, пышный белый хлеб. Киномеханик возится у передвижки. Только что кончился второй сеанс. Теперь надо перевести кинокартину на другой стан, а сюда завтра доставят новый фильм.

К председателю то и дело подходит люди. У каждого срочный, неотложный вопрос. И в том, как быстро и, я бы сказала, просто отдают короткие приказания Буханко, чувствуется, что председатель глубоко знает свое хозяйство, людей, их способности, характеры. Несколько лет назад Николай Буханко был заместителем секретарем райкома партии в этих местах. Потом колхозники избрали его председателем, и за три года доход хозяйства увеличился почти вдвое, достиг 13,5 миллиона рублей.

Ничего шестнадцатого миллионов будет, — говорит Буханко. — В прошлом году на трудодень мы выдали тридцать рублей и полтора килограмма хлеба. На рубль меньше, чем в позапрошлом году. Почти два миллиона отдали за технику. Но теперь невестаем. ...Всюду мерцают огни, рожуток бессонные моторы. Бегут и бегут машины, увозя на элеваторы первый алтайский хлеб.

Колхоз «Страна Советов», Рубцовского района. УМЕЛЬЦЫ. ПОЧЕМУ это так? Почему один машинист лафетной жатки скашивает 29 гектаров за смену, а другой, например Федор Рутковский, убирает за этот же срок 139 гектаров? Удачи делаются человеческими руками. И мне хочется рассказать об удачах машиниста лафетной жатки Федора Рутковского и его товарищях — Василии Локтионове и Викторе Вахрушеве. Двигается по полю трактор. Он тнает две жатки. На первой — Василий Локтионов, на второй — Федор Рутковский. В 1957 году Рутковский дал высокую выработку — 102 гектара за смену. С прошлого года он работает уже вместе с Локтионовым.

Участники декады карельского искусства и литературы в Москве писатели: П. Борисков, А. Ливневич, А. Левянен, сказальница Т. Перттунен, А. Тимонен. Фото А. Князева

ДЕКАДА НАЧАЛАСЬ!

В ГОСУДАРСТВЕННОЙ библиотеке СССР имени В. И. Ленина открылась выставка карельской книги и книжной графики.

На главном стенде — два издания «Калева-ль»: одно на русском языке, оформленное художником М. Мечевым, другое — на финском, оформленное заслуженным деятелем искусства Карельской АССР художником Г. Стронгом. Оба вышши в Петрозаводске и премированы дипломами на Всесоюзной выставке книжной графики и плаката.

На этом же стенде — большой альбом плакатов «Карелия в семилетии». Если открыть его на 15-й странице, то можно узнать, как выработался за эти годы культурный республиканский план строительства культурных учреждений будет израсходовано почти 27 млн. рублей; число библиотек достигло 597, киноустановок — 624; значительно увеличилось тиражи книг и журналов.

Тридцать новых изданий, вышедших в Петрозаводске к декаде, экспонированы на этой выставке. Среди других книг, выпущенных за последние годы, — скромное издание современных рун, записанных со слов сказальницы Е. Хямляйнен, М. Михеевой, Т. Перттунен.

Много произведений русской литературы и литературы народов Советского Союза выпускает Петрозаводское издательство в переводах на финский язык.

Вчера в Академии художеств СССР с творческим отчетом выступили мастера изобразительного искусства Карелии.

Балетом Г. Синисало «Сампо» начал вчера свои спектакли в Москве в филармонии Большого театра СССР Государственный музыкально-драматический театр. В помещении Театра имени Евг. Вахтангова шла пьеса И. Дворского «Трагедия». Московский премьерный Государственный филармонический театр был комедия А. Кивы «Сельские сапожники», показанная в помещении Центрального детского театра. В Кремлевском театре состоялся концерт Государственного симфонического оркестра СССР из произведений карельских композиторов.

Праздник калмыцкого народа

Д. КУГУЛЬТИНОВ

ТОЧНАЯ ТРАССА

Я вижу карту. Прело мной открыты Хребты, и горы, и моря великие. Отсюда, где бежит Ледовитый, Я мысленно лечу к степям Калмыкии.

Простор земли ясенет понемному, Явственней задымко туманною, И счастьем я обдумываю дорогу, Такую длинную и долгожданную.

Мой путь через Москву по карте мнится, Задумчиво, как на мечту извечную, Гляжу на твой кружок, моя столица, На красную звезду пятиконечную.

И взор мой трассу точную находит К родному краю, заново цветущему, И верно я через Москву прохаживаю Дорога человечества к грядущему.

Перевел С. Липкин

ГОРОД ОДИННАДЦАТИ ВЕКОВ

Волхов прорезал широкую зеленую равнину, а вдали, у самого горизонта, подблескивая воспелое в былинах Ильмень-озеро. Это знаменитый путь «из Ваяря в Греки», на котором издревле стоит Новгород Великий, сыгравший выдающуюся роль в становлении и развитии хозяйства и культуры Древней Руси. Новгородская земля, по словам Великого, стала «источником русской народности, откуда вышел весь блуд русской жизни».

Обаянием седой старины веет от протянувшихся вдоль реки неприступных стен Детинца — Новгородского Кремля. Город жил, славясь своим ремеслом, искусством и ратными делами.

Гитлеровские убийцы и мародеры, насаждавшие «новый порядок», замыслили стереть с лица земли бесценные памятники прошлого. Они сняли с Софии медные

театра и новой гостиницы. Они появились на месте развалин и пустырей совсем недавно.

В городе уже восстановлено и построено более сорока промышленных предприятий. Численность населения выросла против 1939 года в полтора с лишним раза. Однако все это выглядит только началом по сравнению с программой, намеченной в семилетке.

Архитекторы и проектировщики сейчас трудятся над планами новых жилых кварталов. За семь лет предстоит построить столько жилья, сколько его было к началу 1959 года, то есть второй такой же Новгород. А производство всего, растет еще больше. Оно увеличится за семилетие в четыре с половиной раза.

В начале XX века Новгород считался едва ли не самым «захолустным» губерньским городом России: уличные фонари горели только в одном месте — у памятника «Тысячелетие России».

Памятник стоит и по сей день, привлекая внимание туристов и экскурсантов. Рядом, в восстановленном здании бывших присутственных мест, разместились художественный и исторический отделы музея и областная библиотека, неподалеку — драматический театр. Здесь много зелени и цветов.

А подойдешь к везадной арке в Кремль — и увидишь широкую площадь Победы, новые замечательные здания, башенные краны новостроек. Новгород, современный социалистический город, вместе со всей страной живет кипучей жизнью, не старея в свои 1100 лет.

Г. НАРЫШКИН
НОВГОРОД

Алтайский репортаж

Недавно бригада Рутковского установила замечательный рекорд — 139 гектаров хлеба скошено за смену.

Мне пришлось наблюдать работу лафетных жаток в разных колхозах и совхозах. Машинисты жалуются на ряд несовершенств в заводских конструкциях, из-за чего жатки по долгу простоявают.

А тут! — Что вы! — улыбается Федор Рутковский. — Если бы показать сейчас наши жатки на заводе, не узнали бы их там. Переделали все, что могли. Ведь у нас работа быстрая пошла, а завод на такие скорости не рассчитывал.

Каждый из трех друзей свободно владеет несколькими специальностями. Рутковский — тракторист, слесарь, машинист. Локтионов — отличный кузнец, а Виктор Вахрушев — подручный кузнеца и электрик. Вот все вместе и возятся они со своим агрегатом, ищут недостатки. И не просто находят их, а тут же устраняют.

При мне к агрегату Федора Рутковского подкатил автомобиль краевого радиовещания. Корреспондент долго уговаривал Федора Карловича сообщить радиослушателям, сколько он намерен убрать в этом году хлеба.

Молчаливый, сдержанный Рутковский отвечал неохотно. — Пятсот гектаров скошил. А сколько еще предстоит — не знаю.

Как же так, — настаивал корреспондент. — Примерно! И тогда Федор Рутковский неожиданно сказал: — Можам и полторы тысячи дать, и две. Да боюсь, хлеба не хватит. Соперников у нас много — помалу никто не косит.

Он помолчал и добавил просто: — А впрочем, если в своем отделении не хватит хлеба, на дороге поедем. Или в другой совхоз.

...А по полю бегут жатки, укладывая хлеб на стерню ровными, аккуратными валками.

Ирина ВОЛК
Совхоз «Искра» Белоглазовского района

В СУББОТНЕМ МОРЕ:

- ★ Мухтар Ауэзов. Наша ответственность.
- ★ «Литературная газета» на целине.
- ★ Л. Пантелеев. Твое имя, улица?
- ★ Леонид Лиходеев. Гвоздь в сапоге. Фельетон.
- ★ Писатель и жизнь. На передовой.
- ★ Т. Профорова. Художественное и хроникальное.
- ★ На этой неделе. Спектакли ленинградских театров.
- ★ Михаил Львов. Новые стихи.
- ★ Румянский Народной Республике — 15 лет. Сергей Михалков, Титус Попович, Петру Думитриу, Ласку Ион.

НА ПОКОРЕННОЙ ЦЕЛИНЕ

Шумит пшеница золотая
На покоренной целине.
И над просторами Алтая
Звонит от края и до края
Призыв могучий: —
Кругом — страда. Сплошной лавиной
По всем дорогам в эти дни
Летят,
летят машинны,
Бесценный груз везут они.

С полутной песнею крылатой
Спешат они на элеватор.
Другие, братцы, выгружат
Целинный
Щедрый урожай!

Ц. СОЛОДАРЬ
Колхоз «Факел коммунизма»
Поспелихинского района
Фото А. Сухомлинова

«ПУСТЬ РАССУДЯТ ЧИТАТЕЛИ»

Спросите в магазине «Евгения Онегина»

Самая простая арифметика

ЭТО ЗАСЕДАНИЕ заводской литер.

турной группы возникло почти стихийно. Начинаясь с Николая Маглатова в перевернутом собрании товарищей и прерываясь на чтение главного редактора «Библиотеки поэта» Вл. Орлова.

Разговор вышел жарким. Еще был Многочисленный литературный отдел завода «Львовский» годами размыкают по магазинам книжки «Библиотеки поэта». Но только четырем удалось стать счастливыми обладателями заветных изданий. Именно удалось! Потому что книги «Библиотеки поэта» лежат на прилавках львовских магазинов не более двух-трех часов. Не удивительно, что слесарь Юрий Мандрик уже больше двух лет просто «хочется» за «Библиотеку поэта» В. Орлова. Во Львове можно было купить относительно свободно только двухтомник поэтов XVIII века.

Интересный подсчет провел член нашей литературной группы, кладовщик металлосклада Никифор Масленников. Он опросил своих товарищей и выяснил, что минимум девять человек подписались бы на «Библиотеку поэта». А если учесть, что во Львове, по самым скромным подсчетам, двадцать-двадцать пять литературных студий, групп, кружков, то выходит, что только наш город дал бы 200—250 подписчиков.

Но не только члены литературных групп и кружков читают у нас стихи. Никакими предварительными подсчетами не удастся определить, во сколько раз вырастет довольно скромная цифра, названная Масленниковым.

Арифметика простая, но убедительная. Товарищ из Кинготорга стоит вынуть эти цифры. Нужно организовать подписку на обе серии «Библиотеки поэта».

Н. ЛЕСИН,
рабочий завода «Львовский маш»

ЛВОВ

Нужна «Библиотека мировой поэзии»

НЕКОТОРЫЕ книги «Библиотеки поэта» превратились уже в библиографическую редкость. Это — сборник стихов Полосколки Шербины, Белоглазика и перечисленные в статье Вл. Орлова — Дельгина, А. Григорьев, Фета. Мизерные для нашего времени тиражи, предложенные Книготоргом, разумеется, не удовлетворяют потребности в этих изданиях.

Не пора ли также подумать о создании библиотеки мировой классической поэзии, в которую вошли бы произведения виднейших поэтов от древнейших времен до наших дней в лучших переводах. В самом деле, создать серию сборников и антологий, включающую произведения греческих и римских лириков, Петрарки, Данте, Ронсаро, Ду Фу, Ли Бо, Хафиза, Гёте, Бернаса, Барбье, Беранже, Мицкевича, Шелли, Байрона, Уитмена, Верхарна, Рембо, Вольера, Тувиима и т. д., было бы делом большой культурной важности. Полезно было бы создать и ряд сборников типа «Пушкин-переводчик», «Брюсов-переводчик», «Курочкин-переводчик», «Брюсов-переводчик» и, главное, сделать эти книги достойным широким читательской массы.

Все это расширило бы кругозор, подняло бы культуру не только читателей, но и переводчиков и поэтов.

А. УРБАН

РИГА

ПОЭТЫ НЕ ВИНОВАТЫ

ЧАСТО наблюдаешь такую картину. Покупатель стоит у прилавка и рассматривает книжку; автор ему не известен, книжка на вид не лучше сборников, — вряд ли хороший поэт согласится так неряшливо издавать свои стихи. Лучше не покупать, рассуждает он и откладывает ее в сторону. Так по немножку накапливаются книжки в магазинах. Сначала стоят на полках, потом их относят на склад, а там они спокойно лежат год-два, пока не сплывут в макулатуру. И на этом основании некоторые работники Книготорга шумят. А ведь поэзия тут не виновата. И поэты не виноваты, в том числе и молодые, многие из них пишут хорошие, интересные стихи. виноваты издательства, которые небрежно оформляют книжки, да и Союз писателей, который плохо очень плохо представляет читателю наших современных поэтов. В литературных газетах под видом борьбы за высокую поэзию очень много пишут о слабых стихах и мало о хороших, и у читателя создается неверное мнение о наших современных поэтах, особенно молодых.

Что же касается книжек из серии «Библиотека поэта», то, например, магазины города Каунаса их получают по 5—6 экземпляров, и они больше сутки на полках магазинов не залеживаются. То же самое можно сказать и о серии «Библиотека советской поэзии».

Д. КУЗНЕЦОВ,
полковник запаса

КАУНАС

Вот как все это сложно. Но почему эти естественные вещи, эта нормальная забота о потребителе, это настоящее, социалистическое отношение к делу должны скрываться в тайниках бухгалтерских статей? Почему эти люди должны бояться законов, Уставов, как расхожих шафры? Я не хочу оглашать имена этих хороших людей, чтобы не навлек на них гнев финансовых органов. Финансисты — народ дошлый; объявят, что украденные мною лица снабжают меня запасными этикетами или даже гербариями — и всю жизнь мне придется доказывать свою творческую независимость.

Сейчас с особым подъемом идет борьба за экономию средств. Каждый день газеты сообщают о новых и новых профессиях, включающихся в эту борьбу. Нет среди них только плановиков и финансистов. Почему? Разве их задача заключается только в том, чтобы смотреть, как экономат другие?

А в это время самокритические деятели рассуждают, что все же главный недостаток, с которым приходится бороться на фронте бытового обслуживания, — это еще встречающееся некультурное отношение к потребителю. Конечно, гробить нехорошо. Даже зазачку. Но разве величайший Сергей Алексеевич ведет себя культурно, когда он вместо нового контура вынужден склеивать сломанный? Разве культурно поступает химик, когда вместо нужного химиката получает суррогат и чистит при помощи его то, что нужно чистить специальным средством? Конечно, гробить нехорошо. А халтурить? А отнимать время заказчика? А подсовывать ему заводской брак? Может быть, нам нужны не раздробленные мелкие мастерские, а заводы бытового обслуживания? Заводы, поставленные на поток, изготавливающие запасную часть, подбивающие кадры и gladдые брьюки.

Объединенное производство решит проблему площадей и проблему величия. А пункты могут быть в каждом домоуправлении. И тогда в этих пунктах вам на ходу пришлют пуговичку, на ходу промажут петлю, ликвидируют твоядь в сапоге и забудут набрывать.

Леонид ЛИХОДЕЕВ

В ОПРОС, поднятый в статье Вл. Орлова «Пусть рассудят читатели», чрезвычайно важен, и он касается, конечно, не только тиражей «Библиотеки поэта», но и всей книжной торговли. По совершенно непонятным причинам наша книжная торговля руководствуется совсем иными идеалами, чем вся советская торговля в целом. Если идеалом для любой отрасли советской торговли является такое положение, при котором покупатель, зайдя в магазин, мог бы найти все, что ему нужно, то «идеалом» книготорговцев является обратное: чтобы уже через два месяца после выхода книги покупатель не нашел ее на прилавке! Книгу почитать нужно искать, «ловить». Я не говорю

уже о редкостях. Попробуйте найти нужную вам роман Тургенева или Золя. Спросите в магазине «Евгения Онегина» Пушкина. Если он не вчера вышел — на вас посмотрят, как на чужака.

А с научной книгой дело обстоит совсем плохо. Книготорг вообще отказывается распространять издания Академии наук СССР. Эти книги можно найти только в редких магазинах Академии. И торговля ими (что уж совсем странно) подчиняется тому же «идеалу»: через два-три месяца долой с прилавка! А попробуйте найти в магазинах нужные вам труды Ленинградской публичной библиотеки, «Ученые записки» Ярославского пединститута или Института имени Герцена. Их вы никогда не найдете. Они не поступают в продажу!

Такое же положение (и еще более серьезное) существует в букинистической торговле. Книга не имеет права дожидаться своего покупателя больше нескольких месяцев. Если магазин не рассчитывает сразу же найти покупателя для книги, он ее не берет. В результате многие редкие книги по узким специальностям гибнут, исчезают из нормального книгооборота. Молодые ученые с трудом могут подобрать себе личную библиотеку по специальности. Это наносит серьезный ущерб науке.

Надо созвать такое совещание по вопросам книжной торговли, в котором приняли бы участие, кроме торговых работников, и ученые различных специальностей, люди умственного труда вообще.

Нужно, чтобы новые книжные магазины строились с большими складскими помещениями, чтобы там легко было хранить в течение долгого времени вышедшие книги.

Тираж книг должен устанавливаться не только торговцами, но и людьми той отрасли культуры и науки, по которой книга выходит. Книга должна терпеливо ждать покупателя. Она должна не только его ждать, она должна его искать. Это во всяком случае разумнее, чем если ее ищет покупатель.

Она должна искать покупателя до той поры, пока не устареет. Тираж книги должен быть рассчитан на все те годы (годы, а не месяцы!), пока книга актуальна.

Систематическое снижение тиражей книг, которые занимают Книготорг, Академию и другие книготорговые организации (а им бы очень хотелось «стартовать, лежа на боку»), привело к еще одной беде: в типографиях при перекуре наборных цехов систематически недогружаются печатные цехи. Пройдет еще несколько лет, и придется перестраивать все наши типографии: расширять наборные и сжимать печатные цехи. Мало того, не пришлось бы нам под влиянием диктата книготоргов перестраивать и работу многих из наших академических институтов: пусть, мол, выпускают книги, рассчитанные только на массового читателя!

Вопрос тиражей — это вопрос нашей культурной политики, это вопрос подбора научной смен, это судьба многих отраслей науки, в частности литературоведения. К нему нужно относиться с полной серьезностью. Пусть и этот вопрос также рассудят читатели.

Д. ЛИХАЧЕВ,
член-корреспондент Академии наук СССР,
лауреат Сталинской премии,
доктор филологических наук

ЛЕНИНГРАД

Л. ПАНТЕЛЕЕВ

ЛЕНИНГРАД

4 августа в «Литературной газете» была опубликована статья Вл. Орлова «Пусть рассудят читатели», в которой автор критиковал тиражную «политику» Книготорга по отношению к серии «Библиотека поэта».

Статья вызвала поток писем и в редакцию «Литературной газеты», и «Библиотеки поэта». Вероятно, получает такие письма и Книготорг.

Читатели поддерживают выступление Вл. Орлова и вносят свои предложения по улучшению издательского дела и книжной торговли. Некоторые из этих писем мы публикуем сегодня.

К сожалению, среди них нет писем от руководителей Книготорга, а им в первую голову нужно бы задуматься над вопросами, поднятыми в статье, особенно после специального постановления Совета Министров СССР о мерах по улучшению распространения книг.

нашими конструкторами, о новых рекордах выносливости, скорости, дальности и грузоподъемности, которые устанавливают наши славные летчики. Крылатые племя советских людей упорно завоевывает небо!

НА СНИМКЕ военный летчик капитан В. ФИЛАТОВ с сыном Валерием на Выставке достижений народного хозяйства СССР.

Фото Г. Макарова

ТВОЕ ИМЯ, УЛИЦА?

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

В ГАЗЕТНОМ очерке, посвященном послевоенной Франции, я прочел, что в Париже есть Московская, Сталинградская и Ленинградская улицы. Признаюсь, меня это крайне удивило. Не то удивило, что в Париже воздают честь нашим городам-героям, а то, что у нас, в нашей газете, так по-русски переводят названия этих улиц. Ведь сами-то мы уже давно отвыкли от этих правильных наименований.

Депутат одного из ленинградских районных Советов тов. Шарова писала не так давно в «Известиях»: «Почему бы, скажем, не иметь в Ленинграде проспекта Бухареста или площади Праги?» Тот же автор в той же статье считает, что «назрел вопрос о присвоении известным улицам таких названий, как проспект Красной гвардии, проспект Выборгской стороны».

В «Литературной газете» поэт Евг. Доматовский, восстанавливая против названия «Мауэртный проезд», предлагал в качестве замены такие названия, как «улица Радости», «улица Юности», а Евгений Воровьев в той же газете рекомендует «предусмотреть место для памятника герою на улице Гвардейцев».

Отрадно, что вопросы наименования и переименования улиц заинтересовались нашу общественность, что заговорили, наконец, о «скудности воображения тех, кто ведет переименование». Дело это, действительно, находится в состоянии прискорбном и давно уже требует решительного вмешательства. Жаль только, что с самого начала тонкий и сложный вопрос этот иной раз поворачивают совсем не в ту сторону. Ведь то, что нам предлагают в качестве образцов, не только не исправляют положения, но и закрепляют несудачив и нелепость, царящие в этом деле.

Надеюсь, я не очень обижу Е. Доматовского, если скажу, что название Мауэртный проезд, против которого он так горячо ополчился, все-таки лучше, чем выдуманные им «улица Радости» или «улица Счастливая». Лучше уже по отношению к тому, что скромное название это отвечает законам нашего языка, его этимологии.

Вспомним, как складывались исторически названия наших улиц. Назывались они чаще всего по имени прихода, или по цеховому признаку, или по названию крупного землевладельца, усадьбы... В течение веков имена улиц и переулков сохраняли ограниченное количество окончаний: — сква, — ная (Поварская, Знаменская, Венедская, Стрелнинская, Шпалерная); — скый, — вий, — ной (Крестовоздвиженский, Кузнецкий, Соляной); — ов, — ев, — ин, — ина (Лештуков, Гусев, Зимин, Зеленина); или, наконец, в самых старых русских городах: — ка (Петровка, Софийна, Варварка, Якиманка, Божомка).

А что делается сейчас? Много ли в наших городах и поселках улиц и переулков, которые назывались бы Ленинская, Матросовская, Халтуринская, Желябов-

ский, Гоголевский? На наших глазах и при нашем общем попустительстве произошла невероятная инверсия: слово «улица» переместилось справа налево. На улочках табличках и на домовых фонарях пишут: «ул. им. 25-го Октября», «ул. Восстания», «ул. Петра Ларрова», «ул. Железнодорожная», «ул. Машинно-строительная»... Изобразить на табличке эти словосочетания нетрудно, а вот пользоваться ими в живой речи почти невозможно. Поэтому и входят (и уже вошли, к сожалению) в разговорный обиход такие варварские обороты, как: — На Восстания угол Некрасова... Угол Лазо и Шорса... Угол Энгельса и Мичурина...

Или — еще лучше: — Где вы живете? — На Полярников, шесть.

А чего стоят эти ужасные возгласы, которые мы ежедневно слышим у себя за спиной в автобусе и в трамвае: — На Марата выходите? На Магковского вылезаете?

Откуда же вылезли вдруг эти словесные урологи? В том-то и дело, что вылезли они не вдруг. Думаю, что среди прочих причин, вызвавших к жизни это повсеместное коноязычие, немалую роль сыграли вопросы шпета. боязн проявить фамильярность, попочительность. Ведь куда спокойнее назвать новую улицу «Проект имени тов. И. И. Иванова», чем просто «Ивановская». А будут ли в народе называть эту улицу так, как она обозначена на табличке, — об этом меньше всего думают. А заодно и о том не думают, что в словах «живу на Иваново, шесть», гораздо больше неуважения к тому же тов. Иванову, чем в словах «живу на Ивановской, шесть».

ИНТЕРЕСНО, между прочим, что дурная практика эта, получив столь широкое распространение, не проникла почему-то в подземное царство, не отразилась на названиях станций наших метрополитенов. Возможно, что тут сказалась и практическая необходимость: название станции должно быть звучным, четким, предельно кратким. Ведь им пользуются не только пассажиры, но и работники метрополитена; о станциях даются справки, о них объявляют по радио, по селектору. Как бы то ни было, а станции нашей подземки — и в Москве, и в Ленинграде — не в пример своим соседям наверху — носят, как правило, имена, отвечающие духу и обычаям русского языка. Там, где наоборот, «улицы Державинского», ввиду — просто «Державинская», где на земле «Проект имени Н. Г. Чернышевского», под землей «Чернышевская». Имена эти между собою спорят, и кто в этом споре окажется победителем, — угадать нетрудно.

И. Е. Ренин заметил как-то, что народ язык блюдет органически. Справедливо вообще, это замечание справедливо и по отношению к такому, казалось бы, второстепенному разделу словаря, куда входят названия улиц. И здесь, обес-

регая чистоту родной речи, народ наш свято блюдет ее законы и традиции. Есть в Ленинграде улица имени Блохина — бывшая Храмовая. Недавно я заказывал по телефону такси. Диспетчер позвонил и говорит:

— Машина номер такой-то выходит с Блохиной. (Не с Блохина, как говорят обычно, а именно с Блохиной!)

Помню, как порадовала меня эта поправка, внесенная скромной русской девушкой в языковую неуклюжесть, допущенную городской администрацией. Скажу, что это не совсем точно: с Блохиной. Надо бы сказать: с Блохинской (как с Пушкинской, а не с Пушкиной). Ведь название улицы пошло не от блохи, а от Блохина, славного петерского трамвайщика-большака. По воспоминанию, что есть у нас в Ленинграде Апраксин двор и Апраксин переулок, есть Аничков мост и Аничков дворец, и существуют эти имена вполне законно, хотя иудт не от Апракса и не от Анички, а от графа Апраксина и подполковника Аничкова.

За последние годы застроился в Ленинграде огромный, некогда захолустный район — Новая Деревня. Главная магистраль этой новостройки — улица Савушкина, названная так в честь летчика-героя Отечественной войны... Не успела эта улица оформиться, обрасти домами, а уж новоселы именуют ее Савушкиной улицей. Никто не скажет: «живу на улице Савушкина», а все — «живу на Савушкиной».

Такое «поправил» советский человек вносит на каждом шагу. Все чаще и чаще приходится слышать: живу на Маяковской, на Чайковской, еду на Кировский, выхожу на Чернышевском... В Петрозаводске улицу, официально именуемую «Шоссе имени 1 Мая», местные жители зовут по-домашнему: Первомайка.

Процесс этот продолжается и будет продолжаться, пока неуклюже, топорные имена и названия не обтесаются, не придут в соответствие с нормами языка. Все, конечно, рано или поздно утрясется, уляжется, утрямается, но зачем, спрашивается, ждать, а какой стати создавать искусственную пропасть между официальным наименованием и так называемым просторечием? Чего ради, скажем, называть новую ленинградскую улицу — «Улицей маршала Говорова», когда заводом известно, что рано или поздно она все равно превратится в Говорову или в Говоровскую? Что за нелепые, громоздкие, трехэтажные — и по духу своему не русские! — названия: «Площадь Дворца культуры имени С. М. Кирова», «улица Красного электрика», «улица Крайнего текстильщика», «улица Союза печатников»... Или попробуйте, не переувлажняя дыхание, произнести такое вот имя: «Улица имени пятнадцатилетия Красной Армии». А ведь до войны улица с таким пыльным титулом существовала. Существовала, конечно, лишь номинально — в справочниках, на фонарях, на угловых дощечках. Вслуш эту улицу и-

Так рушатся благородные планы. Так укорачивается мужское дальновидение. И так начинается поэма о бытовом обслуживании, которую я рискованно предлагаю читателю в качестве субботнего чтения...

...Ровно через два часа после опубликования в печати Постановления партии и правительства о мерах по улучшению бытового обслуживания по радио уже выступали лица, ведающие этой отраслью жизни... Они выступали бодро, как будто только что проснулись и приняли душ. Из их речей можно было понять, что все уже сделано, что осталось иногда в некоторых случаях отдельные недочеты, которые будут изжиты еще до конца их выступления по радио. Потом диктор объявил концерт, и лица, от коих зависит бытовое обслуживание, умолкли, посчитав, что кампания закончена.

А ведь все дело заключается в том, чтобы никакая кампания не было. Глобед в сапоге мешать ходить, и его следует улаживать без фанфар, при помощи обыкновенной ланки, молотка и клещей.

...По утрам возле пошивочных мастерских собираются граждане, желающие стать заказчиками. Выстраиваются очереди возле пунктов химической чистки. Граждане, которые хотят стать клиентами, не очень важно знать, кто управляет данным пунктом. Им важно вычистить пиджак или аксакал пальто.

ЕСТЬ вещи, о которых нужно читать в субботу

Есть вещи, о которых нужно читать в субботу под вечер. Когда приходит минуты великого воскресного планирования.

Мужчины, которые в вопросах отдыха всегда мечтательнее женщин, уже составляют программу. В эту программу входят театры, кино, зоопарк и в некоторых случаях даже преферанс. Мужчины разнеживаются и начинают речь:

— С утра, моя дорогая, мы пойдем... Но дорога точно знает, куда надо идти. Она перебивает супруга с доверчивой улыбкой:
— С утра, мой дорогой, мы пойдем в химчистку.
— В химчистку, мой голубчик.
— А всю неделю ты думала? — интересуется голубчик, которому хочется в зоопарк.
— В понедельник все закрыто, — поясняет дорогая, — во вторник я чинила стиральную машину, в среду уговаривала отремонтировать радиоприемник, в четверг искала мастерскую для твоей электробритвы и прокинула Петухова, который тебе ее подарил. В пятницу отвозила в прачечную белье и в сапожнику твои железные туфли. А сегодня — суббота. Бог в этот день ложился отдыхать на диван после трудов праведных. А я сегодня, наконец, отдала диван в перетяжку. Все!

Один из главных «секретов» писательской работы Всеволода Кочетова — его стремление активно вмешиваться в действительность, темперамент бойца переднего края. Но успех романов «Журбинки», «Молодость с нами» и «Братья Ершовы», конечно же, не объясняют только актуальность проблем, затронутых писателем, и определенностью его отношения к жизни. Не случайно читательские отзывы о «Братьях Ершовых» (только в адрес самого писателя пришло более шестидесяти писем об этом романе — коллективных и индивидуальных) в большинстве своем посвящены основным героям книги, и показательно, что о художественной ее достоверности говорят даже те, кто вряд ли можно считать единомышленниками автора. Так, американская писательница Грейс Стоун отозвалась о «Братьях Ершовых» следующим образом: «Недостатком романа я считаю, откровенно говоря, его слишком очевидную идеологическую направленность... Тем не менее мне кажется, что это вещь очень талантливая. Все герои правдивы и индивидуальны, и большинство из них — живые существа, а не холодные воплощения добра и зла, какими они могли бы получиться».

Вопрос этот — о соотношении злободневности книги и ее художественности — то и дело возникает при обсуждении проблем современности в литературе. И первое, о чем мы спросили Кочетова: каковы его соображения по этому поводу?

— Не стану повторять вполне очевидные истины насчет того, что сама по себе злободневность темы никак не может отрицательно сказаться на качестве писательской работы, но буду вспоминать об опыте советской литературы или ссылаться, скажем, на романы Тургенева. Мне хотелось бы только предостеречь от отвлеченного и потому, в сущности, бессодержательного разговора о художественности «вообще». Пора бы, наконец, договориться, что мастерства, как такового, вне цели не существует. К. Паустовский в четвертой книге своей «Повести о жизни», передавая беседу о литературе с Бабелем, вкладывает в его уста сравнение писателя с галерником, прикованным к веслу и любящим это весло со всеми его мелочами... Позволю себе развернуть это сравнение, задав такой бесперспективный вопрос: а важно ли, куда и зачем гребет этот самый галерник? Ведь может случиться и так, что, увеличенный прожитками на древесные весла, он собьется с общего ритма или даже станет грести в обратную сторону — с любовью грести, с мастерством, так сказать... Простая оговорка, что язык и стиль не сущность искусства, а лишь драгоценный материал, вряд ли, мне кажется, спасает от неверного разделения «идеи» и мастерства. Ведь именно мастерство гребли включает в себя и умение чувствовать ритм работы товарищей и понимание эволюции судна... Встречаясь вечером в писательском клубе два литератора, и один торжественно сообщает другому: «Сегодня я написал полторы строки... Но зато каких! Вот, послушайте: «Электрический шнур от розетки к рознику красна по стене к потолку». «Брава!»... — восторженным шепотом повторяет второй «мастер», — великолично! Поздравляю вас, от всей души поздравляю!» А с чем, собственно, поздравлять-то?..

— Давно известно, — продолжает Всеволод Анисимович, — что искусство рождается лишь тогда, когда автор не может не создать свое произведение, когда им движет непреодолимая внутренняя потребность творчества. А что же еще может волновать сильнее, чем современность? Еще во время войны задумал я написать большой роман о защитниках Ленинграда. После победы приступил к нему не раз, но романа не сделал — начал из-за обширности материала, а потом... В 1951 году я увидел его уже во всех подробностях, герои зажали, затворились. Пошел в Дом творчества, запасшись стопкой бумаги и бутылкой чернил. Получилось несколько глав... А написал — «Журбинки». Впечатления от встреч с батальонами оказались сильнее моих

прежних замыслов... Потом как-то познакомился я с директором одного ленинградского научно-исследовательского института, бывшим производственным, очень хорошим человеком, которого пытались «съесть» склочники и карьеристы. Решил заступиться за него в газете, стал подробно изучать материалы, знакомиться с людьми... Снова отравился в Дом творчества писать о войне — и опять чернила и бумага, приготовленные совсем для другого, ушли на роман «Молодость с нами»... Ну, решам, теперь-то меня уже ничто не уведет от моего давнего замысла... Написал еще несколько глав, а тут — пятьдесят шестой год. Жесткие идейные бои с ревизионистами, поездка в Донбасс, на «Азовсталь». Так появились «Братья Ершовы».

В конце апреля нынешнего года «Огонек» напечатал отрывок из нового романа Кочетова об осажденном Ленинграде. — Да, эта публикация — результат нового моего возвращения к теме войны. Может быть, роман у меня сейчас получился бы, и, наверное, молодые прозаики, стремящиеся сегодня правдиво писать о войне, заступились бы за меня, если бы что-то стал упрекать книгу в чрезмерной суровости... Но сдается, что и сейчас со мной произойдет прежде. На протяжении многих лет складывался замысел романа о сегодняшнем типе партийного руководителя, о секретаре обкома. А недавно мне довелось познакомиться с замечательными тружениками химического завода в Дзержинске, организовавшими цех коммунистического труда. Написал о них очерк (в конце мая он был напечатан в «Правде»). И снова чувствую, что роман о войне для меня лично был бы в какой-то степени уходом от темы.

— Я убежден, — говорит Кочетов, — что некая вечная связь с народом у художника, сидящего в тихих задворках современности, — миф, нечто «спиритизма» вроде, по слову Маяковского. Только непосредственные жизненные впечатления, встречи и откровенные беседы с людьми могут уберечь писателя от ухода даже в самые привлекательные интимные воспоминания и грезы: рано или поздно (лучше, конечно, чтобы пораньше) такого рода впечатления обязательно лягут на бумагу. Почти полтора года назад довелось мне, например, побывать в Китае. И все это время Китай мне, что называется, «покой не давал», пока я недавно не сел и не закончил свои китайские дневники. Они будут опубликованы в журнале «Звезда» под названием «Руки народа».

Всеволод Анисимович часами может восторженно рассказывать о новом Китае и о старой китайской живописи... Вообще живопись — одно из самых сильных его увлечений. На стенах писательского рабочего кабинета, заргороженного книгами и рукописями, — несколько пейзажей. А на небольшом столике — гора всевозможных художественных альбомов и монографий; среди них — немало посвященных новейшим западным «электрикам».

— Это надо знать, — сказал он. — Думається, эти альбомы полезно было бы поднести тем, кто подлагает, будто вчасные «измы» — не более чем извинительный пустяк, не стоящий внимания, эдакий пещинский зазор молодости, да к тому же еще, говорит, «по существу, вполне нормальный»... Можно же за разговорами о польности молодого задора забывать именно о существе дела, забывать, что главное в этих случаях, «измы» — уход из реальности, безудержный субъективизм и формализм, за которыми довольно явственно проступает жутковатая философия полного беззрения и отчуждения, доходящая до человеконенавистничества! Для кого вполне нормально такое «новаторство»? Напрасно — от незнания и от отсутствия идейной закалки — некоторые из наших молодых художников прислушываются ко всякого рода оправданиям «измов» и смешивают молодой задор с гримасами агонизирующего искусства. А ведь у многих из них есть и душевное здоровье, и па-

стоящий талант; жаль будет, если они все это растеряют, бегая петухом за западными пухлыми дорогами...

Кочетов неоднократно выступал за искусство цельных, больших характеров; сила и привлекательность его книг состоит как раз в умении видеть такие характеры в жизни и увлекать ими своего читателя. Эта тенденция, разумеется, ничего общего не имеет с приукрашиванием жизни, с конструированием «идеального» героя по заранее заданной схеме.

— По моему глубокому убеждению, — говорит он, — герой литературы — это обязательно герой. И простой человек в литературе должен быть, так сказать, «героем простоты». Некоторые писатели любят повторять призыв к изображению жизни, «как она есть». А как же иначе? Но беда в том, что в эти правильные слова вкладывается порой совсем иное содержание. Персонаж одной новой пьесы заявляет: человек должен, дескать, оставаться только самим собой, ему нет нужды прикидываться лучшим, чем он есть. Прикидываться, конечно, не стоит. А быть? Разве не во имя этого мы живем? Такой вопрос не ставится. Можно ли в наше время прославлять человека с полчерку маленькой буквы, не желая считаться с революционным развитием жизни, с коренным принципом социалистического реализма? Нет, человек не должен оставаться таким, каков он есть; только если он стремится стать лучше, он достоин быть нашим героем. Я считаю, что «идеальный герой» — выдумка, которая порождает нашим идейным противникам бороться с положительным пафосом, с положительным героем советской литературы. Смешно слушать рассуждения, что, мол, идеальный герой — это который не ошибается, а вот положительный имеет право ошибаться, только в «несущественном». Чепуха это все! Разве дело в «праве ошибаться»? За такое «справое» ни один настоящий человек спасибо не скажет: кто же хочет ошибаться! Но можно по-разному ошибаться и по-разному написать об ошибке. Не существует определенной, раз навсегда данного списка положительных человеческих качеств в соответствии с какими-то указаниями и уложениями. Это, конечно, не значит, что мы можем согласиться, будто нет в искусстве четкой грани между положительным и отрицательным героями: все, мол, блохи не похи, все чернышки не все прыгают... Такая «блуждающая» точка зрения на человека — от равнодушия к нему. Горький смотрел на мир иначе!

— Мне кажется, — заканчивает Всеволод Кочетов наш разговор, — что один из важнейших результатов Третьего всеобшного съезда писателей — в утверждении этого главного устремления нашей литературы, в призыве покоячить со всякого рода свистопляской вокруг пресловутой «лакировки», в ясном и недвусмысленном утверждении революционно-партийного понимания правды в искусстве. Важно только, чтобы теперь материалы съезда и в особенности замечательная речь Никиты Сергеевича Хрущева, на новом этапе жизни развивающая ленинское учение о партийности литературы, практически стали главным руководством в нашей работе и в наших взаимоотношениях, чтобы не случилось так, как, знаете, бывало в старой деревне: заходи сосед, первое дело отыщет глазами икону, перекинется, а потом пошло: «Ах ты, так твою раздал, пошто телка свою в мой огорог пустил...» Принципиальная идейная борьба, которую мы ведем, — дело серьезное, ответственное, ибо наша литература призвана сегодня быть первым помощником партии в коммунистическом воспитании народа.

Д. СТАРИКОВ

НОВЫЕ СТИХИ

Михаил ЛЬБОВ

Нет, я не лучше всех других шагающих со мною рядом. Я только лишь один из них и льгот особых мне не надо. Быть не единственным — одним, с народом быть, а не над ним, с землей родной, навеки с нею, не первым, а передовым.

Когда мы только начинаем и жизнь, и плеще — ми скажу. Мы чем угодно начинаем. Первоначально струю. Мы даже не подозреваем, что бо стихов суров и строг. Что мы пока лишь дозреваем. До первых настоящих строк. И что трубим раненно в рог.

Я не люблю усталых рассуждений О бренности земного бытия. Нет, нет, друзья, — мы не пройдем, как тени (И вы — с вами, может быть, и я). Земной любви обязана рождением. По жизни гордо шествуя, жизнь моя! Над нами сплутник мчится

Небренности земного бытия. Я соглашусь, лишь все свершив это, Свой факел человеческого и власти Передать, кто в жизнь придет

за мною, И в вестичи, как в мленичности, пропасть.

ВЫШЛИ В СВЕТ...

Книги по литературоведению

- Альбаева Л. Очерки по истории турецкой литературы. 1908—1939 гг. Издательство Академии наук СССР. 220 стр. 4 500 экз. 8 руб. 65 коп.
- Беспалов И. Статьи о литературе. Вступительная статья Ф. Левина. Гослитиздат. 207 стр. 20 000 экз. 4 руб. 75 коп.
- Вопросы советской литературы. Сборник 8. Издательство Академии наук СССР. 491 стр. 5 000 экз. 20 руб.
- Гурштейн А. Избранные статьи. Предисловие В. Журавлева. «Советский писатель». 258 стр. 5 000 экз. 6 руб.
- Думоукты Н. Юста Хетагуров. Очерк творчества. Сталина. Государственное издательство Юго-Осетии. 371 стр. 4 000 экз. 13 руб.
- Калинин Н. Слово и мысль. О поэтическом мастерстве В. Маяковского. «Советский писатель». 215 стр. 7 000 экз. 5 руб. 50 коп.
- Караганов А. Характеры и обстоятельства. Сборник статей. «Советский писатель». 389 стр. 8 000 экз. 9 руб. 50 коп.
- Ревинки А. Проблема типического в художественной литературе. Пособие для учителя. Учпедгиз. 367 стр. 18 000 экз. 8 руб. 25 коп.
- Улит А. Вопросы социалистического реализма в литературе. Тон очерка. 1945—1954. Перевод с латышского. Рига. Государственное издательство Латвийской ССР. 906 стр. 3 000 экз. 24 руб. 55 коп.
- Фрадкин И. Литература новой Германии. Статьи и очерки. «Советский писатель». 401 стр. 5 000 экз. 9 руб. 30 коп.
- Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. В 2-х томах. Т. 2. Саратовское книжное издательство. 422 стр. 10 000 экз. 15 руб.

СПЕКТАКЛИ ЛЕНИНГРАДСКИХ ТЕАТРОВ: «ТРИ ТОЛСТЯКА», «РАССКАЗ ОДНОЙ ДЕВУШКИ»

НА ЭТОЙ НЕДЕЛЕ

Фантазия возвращается

ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ

назад молодой советский писатель Юрий Олеша сочинил романтическую сказку «Три толстяка». Это был рассказ для детей о революции, как о раскрепощении всего прекрасного, живущего в душе народа, о «Трех толстяках». Вот выступают эти три вымышленных, надутых болвана с высокими ногами, жесткими лицами. Контрастно легко и свободно очерчены образы смелой девочки Сукки (мы ее видели в естественном, непринужденном исполнении М. Малиной), канатоходца Тибуба (В. Журавлева), продавца воздушных шаров (заслуженный артист РСФСР В. Пучков). Живет каждый уголок сценария, воплощая выдумку писателя: «Этот дом с развороченными решётчатыми окошками, из которых по-птичьему высвобождались разноцветные головы, походили на большую клетку, наполненную щегалами».

В ЖИЗНЬ

Уходят в сторону дидактики. Традиционным, в духе доктора Аболита, выглядит на сцене потерявший свою мудрость и детскую непосредственность доктор Гаспар (О. Ярошенко). Когда слушешь оперу, чувствуешь, что поэзия, мысль сказки Олешы живы, что старая детская книжка «Три толстяка» не потускнела от времени. Она заставляет вспомнить и о недовольном бесславном конце диктаторов в некоторых странах, и о бесстрашных героях, томящихся в капиталистических тюрьмах, и о счастливой мужественной юности, которой не страшны никакие преграды.

В своих последних новаторских работах Театр оперы и балета имени С. М. Кирова с увлечением рассказывает о богатстве и духовном богатстве людей труда, о высокой романтике революционного подвига. Этому посвящены и постановки двух произведений молодых композиторов — талантливой своеобразно таланта А. Петрова «Берег надежды» и оперы В. Рубина «Три толстяка».

Вс. АЗАРОВ

Элегантные страсти

ЕСЛИ БЫ

героям пьесы А. Тверского «Рассказ одной девушки» запретили произносить слово «любовь», на сцене возникла бы тягостная пауза. Пришлось бы закрыть занавес. Герой рассуждает о любви так пространно и последовательно, как будто бы специально обученный риторикой. Странно, что обстоятельства, обычно вызывающие лирическое волнение, здесь рождает ораторский жар. Впрочем, это объясняется просто: новый спектакль Ленинградского театра комедии посвящен не любви, а «вопросам любви». То, что принадлежит поэзии, становится, по-видимому, предметом проповеди. Театр комедии не занимается пустяками, он вручает нам безошибочные рецепты на случай, если придется полюбить.

Реалистическая история любви — всегда история неповторимая, общечеловеческая, касающаяся не только любви. Но автора «Рассказа одной девушки» индивидуально занимает так же мало, как и общественное: герои намеренно обезличены, а их научные и общественные интересы сведены к бесконечным диспутам о любви.

Кто же ведет эти дискуссии? Действующие лица в пьесе не названы по именам: перед нами разворачивается, так сказать, алгебраическая форма взаимноотношений. «Она» — юная и похвастливая «Друга», любящая по-сучковатому. Полюбилась «Он», настойчивый и решительный. Конечно, возникает вопрос: за кем пойдет «Она», кто ей дороже — нелюбящий, но преданный «Друг», или любящий, но опасный «Он». За «Друга» хлопочет Мать, а «Он» хлопочет сам за себя.

Надо сказать, что персонажи не столь уж загадочны: они одеты элегантно, вполне воспитаны, успешно защищают дипломы, танцуют танго, нет сомнений — мы не в «дурном обществе».

К сожалению, за этой хорошо приукрашенной внешностью — довольно плоская сущность и самодовольно-скупные парадоксы. Философичность «Рассказа одной девушки» не более, чем легкий камуфляж, за которым — элементарная дидактика и шаблонная фабула.

После того, как «Он», только что вернувшийся откуда-то с Памира, взглянул на невесту «Друга», финал спектакля уже был предсказан. Одного взгляда было достаточно, чтобы: а) «Он» решил, что любит ее и «уведет ее от «Друга», б) что «Он» имеет на это «право сильного», в) что «Друга» испугается и на полтора акта откажется от борьбы за свою любовь и г) что «Она» мучительно заколеблется между взглядом и своим женихом. Мы стали свидетелями драмы, развивающейся согласно загадочной воле и в полном пренебрежении к логике характеров. Чем была поражена «Она», что напугало ее подруг и заботливую Мать, почему «Друга» сразу же почувствовала себя побежденной, потом фатально занемогла, потом явился к ней с цветами и признаниями, потом дал пощечину товарищу (и тут же благородно жал ему руку), потом, наконец, опять явился с цветами? Объяснить все это можно прихотью судьбы или, вернее, автора, или же особой властью жестокого соперника «Друга». Действительно, в нем угадывается несколько запоздалая и, будем говорить прямо, мало актуальная романтизация пресловутой «силы»

Идиотизма, за этой хорошо приукрашенной внешностью — довольно плоская сущность и самодовольно-скупные парадоксы. Философичность «Рассказа одной девушки» не более, чем легкий камуфляж, за которым — элементарная дидактика и шаблонная фабула.

После того, как «Он», только что вернувшийся откуда-то с Памира, взглянул на невесту «Друга», финал спектакля уже был предсказан. Одного взгляда было достаточно, чтобы: а) «Он» решил, что любит ее и «уведет ее от «Друга», б) что «Он» имеет на это «право сильного», в) что «Друга» испугается и на полтора акта откажется от борьбы за свою любовь и г) что «Она» мучительно заколеблется между взглядом и своим женихом. Мы стали свидетелями драмы, развивающейся согласно загадочной воле и в полном пренебрежении к логике характеров. Чем была поражена «Она», что напугало ее подруг и заботливую Мать, почему «Друга» сразу же почувствовала себя побежденной, потом фатально занемогла, потом явился к ней с цветами и признаниями, потом дал пощечину товарищу (и тут же благородно жал ему руку), потом, наконец, опять явился с цветами? Объяснить все это можно прихотью судьбы или, вернее, автора, или же особой властью жестокого соперника «Друга». Действительно, в нем угадывается несколько запоздалая и, будем говорить прямо, мало актуальная романтизация пресловутой «силы»

После того, как «Он», только что вернувшийся откуда-то с Памира, взглянул на невесту «Друга», финал спектакля уже был предсказан. Одного взгляда было достаточно, чтобы: а) «Он» решил, что любит ее и «уведет ее от «Друга», б) что «Он» имеет на это «право сильного», в) что «Друга» испугается и на полтора акта откажется от борьбы за свою любовь и г) что «Она» мучительно заколеблется между взглядом и своим женихом. Мы стали свидетелями драмы, развивающейся согласно загадочной воле и в полном пренебрежении к логике характеров. Чем была поражена «Она», что напугало ее подруг и заботливую Мать, почему «Друга» сразу же почувствовала себя побежденной, потом фатально занемогла, потом явился к ней с цветами и признаниями, потом дал пощечину товарищу (и тут же благородно жал ему руку), потом, наконец, опять явился с цветами? Объяснить все это можно прихотью судьбы или, вернее, автора, или же особой властью жестокого соперника «Друга». Действительно, в нем угадывается несколько запоздалая и, будем говорить прямо, мало актуальная романтизация пресловутой «силы»

РЕПЛИКИ СЛУЖБА — СЛУЖБОЙ...

И до съезда, и на III Всесоюзном писательском съезде много говорилось о необходимости укрепления деловой дружбы, постоянных взаимосвязей братьских литераторов.

Одна из форм таких взаимосвязей — внимание литературных журналов к творчеству писателей братьских национальностей. Стоит ли доказывать, что если, скажем, украинский журнал напечатает подборку хорошо отобранных стихов узбекских поэтов, или узбекский — познакомит своих читателей с лучшими современными новеллами, а то и романами украинцами, дело будет сделано со всех точек зрения полезное, ин-

тересное, важное? Опыт таких начинаний, накопленный, например, армянской литературной прессой деловой дружбы, постоянных взаимосвязей братьских литераторов. Одна из форм таких взаимосвязей — внимание литературных журналов к творчеству писателей братьских национальностей. Стоит ли доказывать, что если, скажем, украинский журнал напечатает подборку хорошо отобранных стихов узбекских поэтов, или узбекский — познакомит своих читателей с лучшими современными новеллами, а то и романами украинцами, дело будет сделано со всех точек зрения полезное, ин-

Т. ТРИФОНОВА

Художественное и хроникальное

В БАРЕНДИИ охотнее вспоминают и держав и с к и й «Водопад», и «Деву карельских лесов» Федора Глинки. Вообще русская поэзия не раз вдохновлялась карельской природой. По традиции Карелию до сих пор называют краем непуганных птиц, краем нехоженых троп. Эти поэтические названия, однако, явно неточны.

никогда напоминающим подстрочник), а романы «Беломорье» и «Вулнет Беломорья» А. Ливенского написаны по-русски выразительным и точным языком, хорошо и без излишних диалектизмов передающим своеобразие народа и эпохи.

Но многое сближает эти три произведения. Сближают не только достоинства и слаботы, о которых хочется сказать, несмотря на то, что разговор этот происходит в радостные дни декады.

Основной недостаток, оптимистично во всех трех романах, — хроникальность. Проявляется она по-разному и в разной степени, но у каждого автора ослабляет и динамику действия, и силу образов. Так, Н. Яковла, отлично знающий быт и нравы старой карельской деревни, настолько увлекается их описанием, что развитие судьбы юного Ухоти, его отца — Пуулы-Пава и других персонажей становится неоправданно медленным. Мы не можем не почувствовать прелесть старых легенд, рассказанных бабушкой Маурой, но можем не отметить тонкой наблюдательности писателя, знающего и как лучше вызвать вникаи, и как ставить силки на птиц, и как заглядывать рыболовецкие сети, и многое, многое другое. Мы видим красоту лесов и озер, слышим однообразное бречанье колокольцев, возмущающих возвращение коров с пастбища, но наступают какой-то момент, когда все эти достоверные и хорошо описанные детали перестают «работать» и превращаются в зарисовки, слабо скрепленные между собой. И тогда острейшее противоречие между массой крестьян и полицейскими властями, между трудящимися карелами и националистической кулацкой верхушкой — все это как-то теряется во множестве бытовых подробностей. Там, где писателю удается поинтересоваться своим замыслом, возникают живые и яркие картины, передающие сложные процессы социальной борьбы, раскрывающие трудные судьбы и развивающиеся характеры. Но,

Современных карельских писателей интересуют преимущественно более поздние времена. У Викстрем в первой книге своего романа идет о событиях перед революцией 1918 года в Финляндии, Н. Яковла — о глухой предреволюционной карельской деревне, о первых годах Советской власти. А Ливенский изображает ту же эпоху, но на более широком общественном фоне. Все три романа задуманы как широкие эпические картины народной жизни и борьбы.

Рассматривать их вместе трудно хотя бы потому, что «Вперед, народ трудовой!» У Викстрема и «Водораздел» Н. Яковла написаны по-фински и мы можем судить о них лишь по переводам (хотя и сказать, очень несовершенно, У. Викстрем, «Вперед, народ трудовой!», ч. 1. Госиздат Карельской АССР, Петрозаводск, 1958.

В романах А. Ливенского перед нами проходит вереница самых разнообразных и по-разному характерных для эпохи персонажей из всех слоев тогдашнего общества: ненавидящий богатых и вместе с тем стремящийся к ним сравняться с «вмывти в люди» Егорка-Ныган и стойкие большевистско-революционеры, поднимавшие народ на борьбу против паразитов, а затем против белогвардейцев и интервентов; богат Мошев, беспомощно эксплуатировавшийся наемное население края и живший в огромном состоянии, но разоренный революцией и ставший своим лютым врагом, и бедняки-помощники, выданные в Советской власти своим единственно надеждоу: белогвардейско-карельски, жестоко расправляющиеся с каждым, в ком они подозревают «красного», и смеющиеся матросы и партизаны, ведущие борьбу в труднейших условиях захваченного интервентами северного края... Я-

